

нения достоинства человека: «С этой точки зрения смерть есть великое благо. Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь, стать вполне человеком; смерть же не дает нам пережить себя» [2, 177].

Литература:

1. Страхов Н.Н. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. – СПб., 1883.
2. Страхов Н.Н. Мир как целое. М: Айрис-пресс, 2007. – 570 с.

Русская мысль в трудах Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова (к проблеме экзистенциально-тематического единства)

*Дорофеев М.А., аспирант,
Белгородский государственный университет*

Историки русской мысли всё больше внимания уделяют диалогической общности, насущному и конкретно-тематическому единству мысли Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова [1; 3]. В многолетних разговорах, которые вели эти собеседники, душевная близость сменялась охлаждениями или почти враждой; однако, при всех перипетиях споров и «перерождениях убеждений» оставалась неизменной общая склонность обсуждать не метафизику жизни, а только «слог, логику и добродетель» – во что бы то ни стало отыскивать человека в обстановке «гласности» и «отвратительной искренности» (Н.Н. Страхов) тех лет.

Экзистенциальная мука Ф.М. Достоевского в исторических исследованиях достоевсковедов – почти как на ладони. Не то с Н.Н. Страховым. Его убедительность в разговорах с Достоевским ещё нуждается в специальном изучении. Предварительно пока ясно, что у Страхова нет никакого умиления или сугубого сочувствия к «большому горнилу сомнений» Достоевского. Оставаясь «резвым между угорелыми», Страхов и в отношении Достоевского таков: никакого кумиротворения или осуждения экзистенциальных самопроявлений Достоевского он не предлагает. Достоевский пишет о постыдном, его искренность, интимная и исповедальная, могла бы остаться и в границах частных признаний и покаяний без того, чтобы придать ей романтическую форму. Отчаянно опасному и столь значимому и для Ф.М. Достоевского вопросу «кто говорит?» (вопросу, которым оказался соблазнен Фр. Ницше) Н.Н. Страхов противопоставляет «как» и «ради чего» совершается познавательное высказывание, чем оно конкретно предпослано и какие онтологические последствия оно имеет. Ф.М. Достоевскому был также интересен опыт философии Н.Н. Страхова [2].

Смятенный Ф.М. Достоевский и размеренный Н.Н. Страхов – никогда не были, судя по всему, закадычными друзьями. Неосуждающая прямота, с которой Н.Н. Страхов говорил с Ф.М. Достоевским была, пожалуй, основным экзистенциально-методологическим узором их разговоров. В нашу эпоху, когда повсюду даёт себя знать оглядка и во всяком слове предчувствуется выгода, эта прямота не слишком понятна. Однако именно её, как некую практическую предпосылку экзистенциально-тематического единства их разговоров и трудов, требуется осмыслить прежде всего.

Литература:

1. Ведерникова Т.В. Н.Н. Страхов как прототип Евгения Павловича Радомского в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Антонов Е.А. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. – С. 24-28.
2. Ильин (Мальчевский) Н.П. Последняя тайна природы (О книге «Мир как целое» и ее авторе // Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М., 2007. С. 5-62.
3. Климова С.М. Историко-культурно-экзистенциальный диалог Н.Н. Стрехова с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским // Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции / Отв. редактор Антонов Е.А. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. – С. 59-67.

К вопросу о самоопределении русского человека

Епишева С.И., аспирантка,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Одной из важных тем русской философии является проблема самоопределения русского человека. Уже в произведении Иллариона «Слово о законе и благодати» середины XI века, наряду с масштабным осмыслением мировой истории, автор говорит о русском народе, о его месте в судьбе мировой истории, о национальной религиозной идее.

Мыслители, занимающиеся данной проблемой, по-своему видели пути к смысловому пространству русского бытия. Например, Н.А. Бердяев открывает этот путь через антиномичность русского бытия. Проблему самоопределения русского народа, по его мнению, можно решить, сразу же признав противоречивый характер русского человека.

В.С. Соловьев через вечные истины религии раскрывает метафизико-религиозный аспект данной проблемы. «Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве» [1, 192]. Поэтому «...чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия через себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала... и во благо всего христианского мира...» [1, 193]. Сущность русского способа выражения человека, по Соловьеву, совпадает с христианским преображением жизни, с построением ее на началах истины, добра и красоты.

В.И. Иванов через раскрытие проблемы «народа и интеллигенции» выделяет специфику отношения долга в ценностном пространстве русского бытия. Он обращает внимание на внутреннее стремление русской интеллигенции к своему истоку путем осознания своего долга перед тем, кто послужил ее возвышению. Как раз в этом автор видит основную русскую черту, а именно: пафос любви к нисхождению и служению.

С.С. Хоружий, анализируя феномен русского старчества в его духовных и антропологических основаниях, также указывает на особое понимание чувства долга,